

Шестьдесят восьмой год: мы, молодежь, и тонкая грань между желанием, истиной и обманом

Пьер Альберто Бертацци

Желание и идол – думаю, этими двумя словами можно описать череду событий, случившихся в шестьдесят восьмом году и после, как пережил их я, оказавшись в самом центре университетских протестов в Милане.

Я говорю о желании, которое ощущали молодые поколения, не находившие подходящих ответов на потребность в истине, добре и справедливости. Послевоенное общество, пусть и достигшее благоденствия, было отмечено глубокими противоречиями и несправедливостью. Неслучайно протестное движение шестьдесят восьмого года зародилось в США – там все еще процветала расовая сегрегация в отношении афроамериканцев (начиная с отсутствия для них сидячих мест в автобусе или кафе и заканчивая проблемами при поступлении в университет). Джон Фицджералд Кеннеди, первый президент, представлявший притесняемое меньшинство (католиков), был избран в 1961-м и убит в 1963-м. В тот же период десятки тысяч молодых людей отдавали жизнь далеко от родины, во Вьетнаме, на войне против неизвестного народа, уже и без того разделенного и подавленного, который в конце концов их усмирил. Однако существовала свобода демонстраций, и в американских студенческих кампусах начались протесты. Такой возможности не было в СССР и странах-сателлитах, где создание «идеального общества» вышло на первый план в ущерб свободе, инициативе и жизни людей. Вслед за подавленной попыткой переворота в Будапеште в 1956 году о том, насколько живо в молодежи упомянутое желание, свидетельствовала «Пражская весна», наступившая как раз в августе шестьдесят восьмого. Подобные настроения незаметно назревали и среди студентов в Варшаве, что в восьмидесятом привело к мирной забастовке рабочих судоверфи в Гданьске и возникновению независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность» с последующим падением коммунистического режима.

У нас, в странах Западной Европы, волнения изначально были связаны с конкретными и прямыми вопросами, и это обусловило массовое участие в них молодых людей, принадлежавших к самым разным течениям. Знаменитый «французский май», например, возник как студенческий протест против правительственной реформы университетов; захват Католического университета в ноябре 1967 года, давший старт событиям в Милане, произошел из-за увеличения университетских налогов; первые демонстрации и захваты зданий итальянских университетов начались как протест против «закона Гуи» о реформе университетов.

Вся система нашего общества – замечает Ханна Арендт – была настолько хрупкой и формалистской, что быстро начала распадаться «перед ошеломленными взорами молодых бунтарей». Ошеломленными, поскольку изначально мятеж не предполагался как нечто разрушительное, его целью было обращение к кому-то в поиске позитивных и конструктивных решений, пусть даже лишь смутно предугадываемых.

В итоге неудовлетворенное желание устремилось к тому, что считалось непосредственно и конкретно ему соответствующим, но не было реальным, то есть, к *идолу*. Мы проигнорировали события, параллельно происходившие в Восточной Европе (позже это признали наиболее значимые европейские лидеры студенческого движения: француз Даниэль Кон-Бендит и немец Руди Дучке), и идол принял для нас облик одной из многочисленных революционных теорий, вытекающих из марксизма, – начиная с тех, что имели романтический ореол (вспомните фигуру Че Гевары), и заканчивая теориями, сильными за счет строгой и новаторской (маоизм) или холодной и эффективной (ленинизм) идеологической структуры. Сторонникам каждой из них представлялось, будто они в состоянии поднять революционное восстание, способное привести к «новому миру».

Этот путь требовал стереть прошлое и отталкиваться уже не от желания, которое было изначальной движущей силой, а от теории, предполагавшей конкретное применение. Конкретика же требовала устранения препятствий, при необходимости с применением силы (от блюстителей порядка, пинками выгонявших людей из университетов, до позднейшей вооруженной борьбы), причем никакой проблемы морального характера или просто разумности вообще не вставало. То, что речь шла именно об идоле, выяснилось очень быстро по жертвам и разрушению, которые он повлек за собой: разрушению скорее самих себя, чем врагов. Толпы молодых людей, разочаровавшихся в идоле, отправлялись в путешествие в никуда, употребляя наркотики, другие были раздавлены констатацией, что выбранный ими путь не имел цели, третьи оказались жертвами (в том числе и в физическом смысле) своей попоранной щедрости. Говоря так, я вспоминаю имена и лица моих друзей, одноклассников и однокурсников.

Мое желание тогда было их желанием, и я мог в полной мере разделить его, поскольку по опыту знал, что соответствие ему существовало. Я встретился с ним несколькими годами ранее, к концу учебы в лицее, в движении «Студенческая молодежь». Это соответствие имело вид совершенно другой, в высшей степени человеческой человечности. Казалось, ему по силам выстоять в тех обстоятельствах, и, действительно, оно выдержало тогда, как выдерживало потом на протяжении всей моей жизни. Приобщение к этой человечности *устраняло страх*, позволяло чувствовать себя как дома, то есть свободным, где угодно, в любой ситуации, возникающей в течение каждого дня и всей жизни. Оно *давало надежду*, столь отличную от оптимизма, потому как, если надежда касается будущего, она не может не уходить корнями в уверенность в настоящем. Есть прекрасное выражение Вацлава Гавела, в котором подчеркивается эта разница: «Надежда – однозначно не то же самое, что оптимизм. Надежда – это не убеждение, что что-то может получиться, а уверенность, что что-то имеет смысл, вне зависимости от его успешности». Наконец, приобщение к этой человечности *делало жизнь* (учебу, работу) *конструктивной*, то есть позволяло любому действию обретать не только смысл, но и пользу для самих себя и окружающих, для истории. Все было бесполезно, все было не зря. Возможно, именно этого не хватило моим друзьям в шестьдесят восьмом году.